

Геннадий
Айги

Продолжение
отъезда

поэтическая серия клуба «проект оги»

М О С К В А. 2001

Геннадий Айги
Продолжение отъезда

геннадий айги

продолжение отъезда

ГЕННАДИЙ АЙГИ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТЪЕЗДА

Стихотворения и поэмы

1966–1998

Поэтическая серия клуба «Проект ОГИ»

москва 2001

ББК 84-5
А 36

Айги Г.

А 36 Продолжение отъезда: Стихотворения и поэмы. 1966–1998. — М.: ОГИ, 2001. — 112 с.

ISBN 5-94282-039-2

© Г. Айги, 2001

© Клуб «Проект ОГИ». Серия, 2000

© ОГИ, оформление, 2001

ВСЕ ДАЛЬШЕ В СНЕГА

1966–1998

Появление жасмина

а жасмин надвигается:
словно душа — отодвинувшаяся
сразу — легко — от греха! — и как будто
идеями ставшие — прячутся
горести наши — оплакиванья — пенья
в его средоточие! — словно идут
к центру-жасмину... — все более тая
будто — «во Боге»

1966

К свадьбе друга

И. В.

Друзья,

сегодня серебряный день
будто по снегу Очакова
слезы тюленьи струятся

счастье мучительно
день намекает на образ его:

оно чтобы длительным быть
удерживает себя от прозрачности —

как от конца!

позвольте же к ней не стремиться
позвольте взглядеться
сквозь это ненастье сегодняшнее
в вашу судьбу удаляющуюся —

что — ей желать?... — прояснения длительного:

лишь — к завершению жизни! —

да скоры не будут
и радость и горе —

в содействии этому

1966

Круг тополя — в спящего

● срез... и огонь...
ресницы как порезы...
о сквозь... и все бескрайней приближенье...
одежда в смеси... тела как бумаги
разорванно-живой!.. работая как дном...
и в знаках свет... все глубже воздух-белое...
ребенка крик... и рана в волосах...

1967

Цветы, режьте*О. М., в Прагу, вместо письма***Р**ежьте, цветы! тороплюсь! не бывало такого Цветения-Акции! —такой и души
не бывало Горенья-Страны! —режьте и путайте! я — островами болезни в спине —
современного горя всемирного мясом
плавлю вас — режьте: горением-кровью! — как ныне из бездн
стали — пылает страна: наконец-то Огнем-Своей-Сущности-
Ревом-Мильонным:взрывом гниения: «В П р а г у !» — до неба: знамением — бога
«сверх-Места»:

быдло-цветением...

23 августа 1968

Встречающее со сна

а Кто-то-смотрит-много-Кто-то-смотрит:

река Его невыразимого
того достигнет цвета — н е в о з м о ж н о г о ! —

сказать бы «Лик» — но лучше рябью шириться! —

и снова засыпать

1968

«Ласточна»: способ связывания

Иосифу Бродскому

Есть для отображения
эм-эсская л а с т о ч к а
в явлении-зареве
Страны-Газирования:

огненный знак ее! —

и по направлениям
его словно огненным
в я ж у т в подвалах:

Родины-Зарева! —

пока вырисовывается
знак очередной
фигурою огненной:

в мозгу — как будто
в каком-то рту:

в себе неожиданном! —

и ощущается
схемю дальней:

и раскаленной:

происходящего

1969

Близно: поляны (Происшествие — 1947)

есть — это сразу: поляны

(«что-то еще» — это где-то за ними
пением криком исколотый сон —

— жизнью считаемый
в сне-восприятии:

люди как травы живущие в травах
где-то движение: люди)

сон вместе с кровью разорван
(был человек — будто яркое тело
в дар: бесконечному свету — сияньем расколотому)

(что-то всегда:
называясь «такое»)

(вплоть до начала поляны
вместе со зримостью
где-то все-там-же-спешащих
крик вместе с краем поляны
был — как «однажды» — разорван)

— Время — всегда — лишь прошедшее!
(чтоб проходить)

а там! где так прямо и ярко
страшно в ничейной раскрытости
света-пустого-огня —

гласные Бога (всегда через миг уже чистые
вновь непрерывно) —

.....! —

те же — как были (а были т а к и е) —

гласные в Голосе: гулко: поляны

1970

Осенняя прогулка сына

а в измороси
капли красные:

как будто пьется
естся что-то
из места дорогого мне
и видного а больше — ощутимого
в тумане — там
и в боли — здесь:

из места облика любимого:

из Чаши-Мозга «0-любовь-моя!»:

из места т а м — что словно крови облако
такое: больно что коснуться могут:

порвать — как изморось
в которой — кровь! —

вот так о н удаляется — трехлетний:

и словно некую бумажку
глаза все время уменьшают:

и грустно в воздухе! родно́! —

и будто Чаша-Мозг-Первичная
во мне и вне меня раскрыта
для точек всех тумана-города:

в которые помещена
внеличностная боль — повсюду действующая:

и плещущаяся — для меня:

колодцем рода одиноким! —

и город где Все-будто-не-живущие
лишь гулом сказывается в нем... —

(была в начале — скажем — рана:

ее начало — поврежденье
в совсем еще незрелом слое
что называем мы отцовским:

и начиная с места этого
до новой раны драгоценной
как бы — в крови — раскрытой — детскости:

до Чаши-мозга-городу-открытой
как Смерти пьющей отпивающей:

все — в разрушении! все — гул в колодце рода
где боль питается — как будто на-смерть! —

лишь это — действие ее
и место — лишь свое давно:

и в плеске — словно в плаче рода:

все время
как душа
одно)... —

и что же есть теперь
как личное? —

лишь страх и просьба
(и такая
как будто это — лишь к себе):

чтоб драгоценный срез — опасно золотящийся:

не разрушаясь — пребывал:

между туманом — ало-разъедающим:

и силой — не укрытой в мире
того — исчезнувшего — места:

ума трехлетнего и вечного... —

все кроме этого
теперь
лишь однородный воздух нищенства:

а лик его — изъеденный им — я! —

что только не включало
для этой цели в с е ? —

(и ж и з н ь — воспоминание об э т о м):

да пусть доделывает начатое! —

есть унижение-боль! — она уже не действует
хотя совсем не израсходована! —

да действует теперь как горе детское:

боль детская: в тумане-городе

1970

Мусорная свалка за городом

В гниющей свалке
он особенный:

без примеси и наших чувств и памяти —

свободный
безучастный свет:

как будто вспять — свежо — обращено н а ч а л о:

освобождаясь
от богатства странствий! —

немного — и вот-вот: того достигнет срока —

сияя выступит бело:

незримо-ярко-и-прозрачно! —

как будто — тенью — не было
еще ничьей души

1970

Снова — вспоминаются Гимры*

И. Макаревичу

ВСЕ ДАЛЬШЕ В СНЕГА

Он — до сих пор — очаг
пространства — продырявленного стонами —

(при этом — цельно-целомудренного) —

и свет — везде — как в некой ране
хранящей скрыто и незримо
и мощь и боль в своем огне —

и мы (кто забредав кто пребывая)
крошимся — бродим — останавливаемся
краями будучи той раны
(кто заскорузл кто водянисто-ал) —

а свет — незыблемый — стоит как ночь могущества! —

о том пергаментно прошептывают горы —

(горенья не услышим — свитков)

1972

* Гимры — дагестанский аул, родина Шамиля и первого имама Дагестана и Чечни Гази-Магомед. (Здесь и далее примеч. автора.)

Прощальное: белый шиповник

кто озвучивал белое? флейтой какою?..

1968. Запись в Кахаб-Росо

● как ты тогда
распыляя
меня принимал:

в свой образ — как в облако!.. —

а знаю теперь — лишь твою тишину... — знаю это твое
отрицательное
цветенье-безмолвие —

(с большим накалом чем точка-идея-сияние
ч т о т о с т и м и р а...) —

и все ж это — ты... —

место — отсутствия белого:

чистое: как человек — без болезни!.. —

и теперь даже свет — словно вещь — не приемлешь... —

с полнотой отрицательной:

ныне ты есть — лишь подобно тому как давно мне мерещится место
меня — отмененного:

где боль — за о т с у т с т в и е боли:

полостью некою
раны без стенок!.. —

(где и болеть уже — нечему)

1972

Временное завершение празднеств (К альбому)

...из тех, — заклады вавших нас.

Н. Б.

ВСЕ ДАЛЬШЕ В СНЕГА

Стальна и зеркальна
фото-и-сталегенична
женско-стальная особая сталь
сталь — без щербинки

действие: слово — блистание — холод

(током-желаньем-убийством
в сообработчиках рудно-железных
в спецобработчиках
проводниках)

в вас заржавеет и в нас
эта Эмблема-Лицо
оттиск из стали-стихии-идеи
(сказано где-то: «стихия металла
отринутый ангел»)

в нас распадется
но мы не увидим
знает — лишь Дух нашей крови!
(в теле не-действенной памяти
в нас — распадется)

сталегенична
(из тех — что я д у щ и е словно сквозь воздух —
сиянием-воздухом)

(ржавь — нанесется без нас)

сталь — без щербинки (в блистаньи ее — в помещении том же —
младенцев стеклянные крики — и шепот бумажный: что
с душами были п о т и ш е)

Капо-Венера

сталь (в помещеньи со шка́фами призраков-боле́й блуждание:
словно с визитно́ю карто́чкой —
с минусом: без поняты́х)

струйки-автографы (ало! — в окно: в довершение мира-альбома)

сталь — без изъяна

(о смерть моя — личная! — в этом могу лишь к
тебе обратиться: будь — на мгновенье — Всесильной! —
да преврати ее зеркало карцерно-ванное —

в Зеркало-Смерть!.. —

да дрогнет на миг
от живого проклятья:

вбиться — вонзиться — рассыпаться!) —

(Поэзия Не Ошибается)

1973

Флоксы: утро октябрьское

В. Л.

ВСЕ ДАЛЬШЕ В СЕГДА

Вы радостно-белы
когда вокруг унынье —

(давно
оказывается
чист
и вспомнил
в середине) —

не беспокоя
вы
поддерживаете радость
как для сознания
мир —

от вас и сырость дорогá Земли
(как будто
шепот
добрый
был:

не зная смысла — помним) —

таким бы (думать) —
все
осталось и покинутое! —

спокойным (будто шепот
бело и ровно принят
и стал — как цельный мир) —

таким бы было — «где-то там»:

себя
не беспокоя
нами! —

молчанием — во всем: «прощай» —

(давно уж для меня — лишь белизною вашей:

свободною — во всем)

1977

Сон: яблони в цвету*

Все перепуталось.

О. М.

ВСЕ ДАЛЬШЕ В СНЕГА

От так называемой
скажем: Поэзии —

от города-жизни (пока — уточним — это пище-исканье-
почти-побирание — кормление — стирка — по-дет-
ски-взаимно-раскрытая-бедность... — и — чтобы на
жалость не бить — не забудем и наши *распития*) —

оторвать — быдло-хрясью — итак — полицейской!.. —

в «душе» — где от яблони в цвете —
широкое облако (*так мы пока говорим*):

с и н е е их — словно спирто-горенье... —

(лето такое — почти Вознесение
Света над Городом)... —

— а еще не хотите ли
в противоположное мозг-гольдеру место—

т а в р а — с е к р е т н о г о ?** —

* Как и последующее «И: через год» относится к циклу стихов, посвященных памяти поэта-переводчика Константина Богатырева (1925–1976), убитого при невыясненных обстоятельствах. (Основная версия продолжает касаться советских органов госбезопасности; существует «секретная записка» КГБ о похоронах К. П. Богатырева, подписанная Ю. Андроповым и поражающая неприязненным тоном в отношении покойного, — см. журнал «Вопросы литературы», 1996, № 1).

** *Секретное тавро* — один из видов «ежовских» пыток. *Почетный отец твой* — П. Г. Богатырев (1893–1971) — выдающийся этнограф, фольклорист и литературовед, доктор honoris causa Карлова университета в Праге и университета им. Амоса Коменского в Братиславе.

и — в облако: «божье»? (отнюдь не старо:
еще как это слушают)... —

вспомним цветенье другое: до августа
мраморного (цифры пылали тогда: 6 и 8)
били какие
известия-молнии в те облака! —

вспомни как плакал — в то лето —
почетный отец твой среди пражских обломков
того — августовского мрамора! —

спрашивавший — в тех же местах —
среди мартовской вьюги (число — 39)
у офицера: «скажите — мужского
иль среднего рода — *гестапо?*» —

(в целях — как говорят — *лингвистических...*) —

облако-яблоня — всюду —
на каждом углу — словно правоподобие:

людоподобий! —

облако — где сердцевиною: «*дух*»-человек —
заменяемый в мире у всех на виду
и при слухе — другим:

скрипом осины расщепленной
скрип — «человек»-отщепенец... —

были йех-цикли бла-цикл
да еще быдло-цикл? — что же дальше? —

врезом — от пище-исканья?.. кормления?.. —
да — от «стихов»?.. — Облаков еще—
Божьих: Цветенья? —

да от Того
Что Любовь Разрывающая
да от Беды!.. —

(пусть привыкают что так говорятся С л о в а !.. —

да повторены будут потом — если в-Облако-
эти-Стихи разразятся известной п е р ч а т к о й —

чтоб *кровь* обнаружить

а пока продолжается:

месяц медовый — с полицией...—

рэхмети спаси - Бо)

1977

Дождь

■ моросит и утихает
как будто возится сама с собой «случайность»

(как «одаренность» годная лишь для набросков жалких)

как будто «есть» «живет»

(в кругу — как я — ненужности)

1977

И: через год (После гибели друга)

Тем, кто знает

Час ночи.

В это время он спал.
Спали и те.

Предстояло: пробуждение, завтрак, обед.

Кое-какие дела. Метро и автобусы. (Автомшины, — кое-что
подправлять.)

Хождения. Шаги.

Я в н о с т ь с к р ы т о г о в души — все более явно — бралась.

Пустяки — в организмах (жизненно-важные). В карманах — и т о ,
и вещички «обычные».

Ш л о . (Сосчитать уже можно шаги.)

(Двое: в и д и т с я ясно. Кем? — да У л и ч н ы м В о з д у х о м !)

Дышащие.

Мелочи, жидкости (жизнь-автономия).

Шаги — в башмаках. (Та же будет и позже — одежда.)

Застежки, ремни, — как у всех (в жизни все пригодится и после).

Я в н о с т ь т о г о — все ускоренней — в д у ш а х (на всю, —
объясняют, — ...Вселенную... — мозгом читали такое уверенно-
громкое).

Лифт. Аморфная слитность мгновений. (Можно понять и как числа-
секунды.)

Шаги.

(Надолго — ускоренно-гулко.)

Год. 26-го. Час ночи.

Спят. Пустяки — в организмах (само-рост-и-развитие).
Вещички. Зажигалка. «ВТ». (Или «Прима».) «Дымок».
(Безошибочно видит — о к н о.)

Муть-года-сплошного. Пустяки — словно мелочь в карманах.
Как в складках — пыль, чепуха, крохи физиологии.

В воздухе что-то — к утру.

(К Р И К.)

«Жизнь уж проходит...» На-«S».*

Ярко — не будет.

День — как Ослепшее-Высшее. (И Т о м у — н а д о т а к ж е.)
(Легко — как набросить халат.)

Как, после ванны, комочки еще — по себе — растирать: то ли
тело свое, то ли вещь посторонняя.
Самый легчайший (можно запеть) для укрытия мир.

(Ясность. Не весь — из комочков.)

(Кретин-Карандашный.) Мгновенно — дыра. Не такое еще
выплывает из нас (мы — страну-Туманом) при виде таких.

А — как-то вот: В и д и т с я !.. — Светом? (На-«S»!) — а хотя
бы и: В о з д у х о м ! (Зренье — как раз — для Спец-Дома.)

Год.

(«Ю б и л е й» — и д л я в а с .)

26 апреля 1977

* На-«S» — связано с выражением из блатного жаргона.

Моцарт: Кассация I

С. Губайдулиной

ВСЕ ДАЛЬШЕ В СНЕГА

Моцарт божественный моцарт соломинка циркуль божественный лезвие ветер бумага инфаркт богородица ветер жасмин операция ветер божественный моцарт кассация ветка жасмин операция ангел божественный роза соломинка сердце кассация моцарт

1977

Ты одна и цветы

Е. Суриц-Богатыревой

В горсти
из листьев
заскорузлых

живой среди зимы
во тьме
был свеж и чист
доверчив

цветок

(а жизнь была
весь год
то дело
то не дело
снова
дело)

вокруг

а он
спокойный
(и белеть не действующий)
он сквозь
(без окруженья)
был
белее
чем
«белеть»
и «быть»

(исчезновение
было б
благом)

белый

1978

ВСЕ ДАЛЬШЕ В СНЕГА

Снова — записи во время бессонницы

1

Сон — мозаикою — изнутри. И пятнами и брызгами
Бессонница: в костях — в крови — рисунок дикий.

2

Сон-кровопролитие. Сон-свет. Сон-место-отхожее. Сон-
пожар.

3

Разгул Бессонницы: зуд — на дне глаз.

1978

Другу — о где-то-жасминах*А. Волконскому*

Tout à jamais prit fin.

*René Char***Было**

когда — то

о белое-просто-и-горы-и-я-и-любимое

(в друге):

(помню:

как храм:

это было: не помню:

как стало:

забвеньем):

теперь

продолжая:

(будто

отсутствие

веяньем

длится:

где? — в умолкании такой же «России»

давно распыляемой

нами и вами:

отъездами-душами!):

долго: как долгое — долго:

(«где-то» — идею пепла пустого: «вокруг»):

ровное — в воздух-пожарище

1979

Голод — 1947

В честь «Семи крайцаров» Жигмонта Морица

1

Я стоял перед голым столом, на котором лежала *она*.

Пустая изба, — словно ящик каких-то вселенских, пусто-равнодушных, полых часов, — будто выстукали и шорох.

Была еще — мать (странно, — знаю, — не помню).

Хотелось, чтобы было еще более пусто, — хотелось стучать — по всем голым стенам — долго ходя — молотком или обухом, — но чтобы — один.

Она лежала — дрянно, огромно, «конечно» — при бесконечности тишины и тряпья: мертво-опустившиеся рванью-флажки! — «осторожно», — по краю стола.

И ноги — шерсть в дырах: чулки. Будто взошла — на эти голые доски — сама, из огорода — из раскаленного марева! — будто — и тогда была мертвой.

Поевший надолго, рассуждаю, — теперь 1979, — умею.

2

Когда голодный постоянно голоден, год два, три и так далее, он и не знает, что он хочет есть, он так — постоянно — живет лишь своим «состоянием» — как навсегда! — но год два, три, и представляется случай, чтобы он *понял*, что он хочет — есть.

И вот, в то лето, из тех — двух лет, из тех — трех, мне предстоял — такой, единственный случай, — яркий (был — таковым).

Я продвигался, ноги *ее* перестали закрывать лицо.

Лицо, огромно-опухшее, бывшее рабоче-красным, лошажье-красным, осталось таким же огромно-опухшим, но — светилось... — свежо, призывающе... — крахмально. И, наконец, оно было похоже на картофель — без ран, без глазков, — только что освобожден-

денный от кожуры, свежо светящийся! — чуть-чуть остывший. (Никогда не забуду, как будто видел вчера, — да, это самые точные слова.)

И я невероятно захотел есть.

Притянуться, медленно посыпать солью. Это картофельное, желудочно-прекрасное (о, еще будет «поэзия», буду). Это — солью, и — есть, это, именно это. Есть.

1979

Цветенье роз во время болезни

Ф. П.

Многая
роза-туман
(и подобно вязанию светом
мое неуменье
умом)

(вместе
и я
словно в детстве
единожды
чист)

в блесках
как в дверцах
а все же
туман
в повтореньи
и в блесках

слабость
в узор превращая
в локтях

(будто
по ту
за раной не-близкою
сторону)

что-то о крови (как шепот)

в ширь заворачивая (дрожью)
как до поляны

меня
в повтореньи
вперед
в переброс

как до поляны
в движеньи и криках

(долго — знобящей боля бесконечностью)

1979

Метель в окне

Метель в окне и стены комнаты
и затеряв меня давно во вьюге дом
рисунков на стенах собрание как в прятках
как в юности — в ее далекой свежести
когда (метель) окно: как тайну: ладила
свое: то там то здесь:
немного поправляя

1980

О том же лесе

а что вы так кричите
как только «л е с т а к о й - т о»
(достаточно и буквы «К»)*:
тебя ведь помню
как кричал! провинциальный
сельхозный вождь
ты так кричал:
ведь в это время в и д е л !
ты тряся т а к
что лишь еще раз в и д я
о р а т ь т а к можно было
а?

1981

* Речь идет о Катынском лесе.

Стихи на крестины

Е. Ж.

1

Зима приближалась а юностью мира
вздрагивали
(снег за дорогой за ними)
ветки
(такие
живя
письмена)

2

Знал я что точкою света (а даль — словно дóма)
миру (твердеть наклоненному) девочка-свет

3

Ясно: круги от *такого*: и не остановят: круги

4

Там где обратно сжималось живущее-многое
сжималось
в «о Господи»
(и распадалось: не тьму ли
о Господи
в точку обратную
сжать)

5

Вдруг (озареньем): Другие Круги
ищут-как-точек — других-вроде-«мы»

6

О Парадокс! не теряя
Без-местную Ширь!
в этой своей Неизбывности
собой Оставаясь — сюда

7

Зима приближалась а детскостью мира
девочка-свет
там — за дорогой — за снегом
была — словно дома
и братьями юности — ветки
были
для этого дня — письма

1981

Об этом

Я. П.

Это
не Спор.
Если же я называю,
то это — простое указывание:
«Здесь — Совершенство».
(Место Намека.
Тем и Присутствует.
Я умолкаю.)
«Бог»?
Это цитата: из Бога.

1981

Позднее отцветанье шиповника

помнит как будто душа о побоях
да очищаясь — лучится
раны сама освящая себе сохраняет:

вся — в окропленьи! —

о этот воздух — безлюдья!.. —

(умер ли
кто-то
кого и не помню:

вот и бродить! никому
чтобы — как будто виновный — ни слова)

1982

Чонтвари*

Бровь — как обрывок тропинки
да зеркало-нож: отражать
нищего брата
колпак —

с захороненьем рыданий: курган!.. —

боже! все — в высь! —

в оползнях
мозга (и так отдаленно)
скалы-да-розы — раскальваясь
в сáмой — давно — одинокой тоске
как по его же душе: по горам! —

ультрамарином и золотом
в белом-бездонном горя:

светом-стеною давно без конца
гор восхождение прокладывая
болью из лба — как листом из души! —

склоны-накаты
такие
горы —

в пятнах-и-водоворотах
глаз гиацингово-горестных
красных в крови да опаловых! —

* Тивадар Чонтвари Костка (1853–1919) — выдающийся венгерский художник-самоучка. Излюбленный мотив его пейзажей — горы.

лист-колебание: свет — к перевалу:

в видящих дырах
(когда-то
полными бывших
предсоньем)! —

и — поворот: чтобы в взрыве их (Господи)
не было б Первого белого:

чтоб — дописать
эти малые дозы
поддержки
вещам —

(чтобы — их на ноги ставить!) —

чтобы — до встречи глазами!.. — (воронки
были — до мозга горя:

окись роня!.. — уже обнажив:

скалы-и-розы-и-ум.....)

1982

Снег — в «старом» квартале Москвы

в снег (а все более
скуден)
как сажа опять: это снова измазанность
углов переулка столбов и закрытых киосков
редких — из окон — стволов
тусклостью мокро-спокойной (как грядки во тьме огородной)
полу-сугробов
и полу-«чего-то»-людей (а участие это
теперь — с замедлением времени словно-людского
все больше и ближе
теплей)

1982

Сон-эпилог

Очаг

как будто расположенный
в страдающем-и-костном: тем и зрящем!
а действие: ведь даже не похоже
что втягивает что-то — им питаюсь!
а чуждым и над-веющим огнем
огней других какое-то кованьё
без явной связи! — воздвигая выборочно
движенья их: живые — как подсматривая
какую-то работу — мученья

1982

Сентябрьские березы в городе*Е. Соколу*

а чистотою!
и много:

словно поблескивают
раскрытостью — первотолчков:

перехода — во видимость! —

а сквозь
(а ведь это
дорогою долгой
печаль) —

лишь — ветер!.. — и будто себя остановя
в разгаре дробленья
во образе их —

Оставил для воли движения памяти:

— места — запомнившего:

Всюду-Колеблющий:

из бездны рождений-пустот!.. — и до края — страны

1982

В сторону оврагов

а яви — нам

куски — как содранности кожи достаются

когда сияние оврагов режет мир:

улыбка (слюни драгоценные)

мне например — ребенка

болезнь кому-то как цветок: уж вынянчена очень

и как осколок уносимый —

простая бедность

(некий бедный свет):

«хоть что-то есть» никчемный в мире шепот

в том воздухе в котором лишь распад

горенья нищенских видений-рвов —

пока не-до-оформленных в могилы

Оврагов-Ртов Страны

1983

Мертвая роза среди бумаг

На средства,
взятые у бедных,
гремять о громе — сил державных.

Назвать бесстыдством?
Даже этим — дать
им что-то. Повод — для злорадства.

Но *что-нибудь*, хотя бы малость, — *бедным*.

Но, Бог ты мой, о чем мы говорим?

Нам даже слово *бедность* не дадут,
и чтоб,
простое,
было — на бумаге.

Скорее, вырвут у ребенка хлеб.

Из рук, огрызок жалкий.

1983

Жалний пейзаж неизвестного художника

И. М.

Былинки сухие
высокие: так без конца — а из Солнца
льется — как слово бесстрастное с губ
древнего старца: *а бледное: видно:*
с трудом вымывается... и не блистательным шумом
более выражен мир: спотыкается им говоримое
сломанным стеблем... другим... продолжаясь
до края земли... — но не выдержал видимо мастер:
будто вздохнул... — в этом мареве сером
вздрагнули (чуть различишь)
две-три ромашки

1983

Среди дубрав

Небо спокойно — а это
горят —

основы — отцов —

дом и страну сохраняя
ясно и вольно — в беспокойности ясной! —

богом-взглянувшие однажды глаза
видят —

созданный — из каждого — без исключения — мир:

глубины (просто — как жизнь) —

пыланий — братств

*13 июня 1984
Литва, Довайнонис,
дом Владаса Диджокаса*

Жизнь-разговор

ВСЕ ДАЛЬШЕ В СНЕГА

а я?

это сонмами
естся подобий —

образом мироподобным —

вроде как облако лес
«я» звезд беспокойным

1984

В спокойствии августа

Выздоровление:

между ключицей и шеей
таится — как будто живым существом незнакомым
наивное и золотое
людское молчанье —

зреет для памяти:

до сих пор еще не было слова! — и вот — будто веяньем входит
в полу-пустое свечение:

молитвой пока непонятной —

(как для ребенка)

1984

Письмо в Апшеронск

А. Г.

а весть — она продлилась
входя — в осенний свет... и я
не забывая — отвечаю:

стараюсь видеть — как в дому
(так будет — легче) —

и кажется — быть может ты впервые
спокоен — будто неподвижностью
сентябрьских флоксов —

дай-то Бог... —

я думаю что час-другой
дорога — рядом — в воле ветра:
там — просто свет ночной в пыли
и тот же ветер —

еще — мне представляется — быть может
«прекрасны были вечера»
тебе из детства шепчет старой книгой
тобою освещенный дом —

сейчас — я большего не знаю... —

и все же хочется шептать
что где-то — ты — свободен
отвлечься — в ветер поля
и он не сиротлив — до роши дальней двигая
воздушную поляну флоксов —

ведь это так: вдоль сердца
она проходит добротой растительной
напоминая (если в том признаться) —

смиренье птиц!.. — они того же рода... —

что — далее? — в ряду таких же хрупких
мы просто — без стеснения — назовем
и чувство дружбы... — должен здесь сказать
что не израненной
ее не знал я... —

да — были судьбы-други! были
такого рода — будто раны в птицах
которыми они еще больней —

чем просто — данностью... —

и что в сообществе — как будто беспокоящем
как сон — ушедший отовсюду вспять
в исходное свое единство —

что — в этом равенстве — назвать — как тех же
с чего мы начали... — раскрыто веющих
самим природой-детством? —

— быть может — там — белеют и безмолвствуют
страницы и людских раздумий —

как сестры света
(дай-то Бог...)

1985

Окраинная зима

Спалось и снегом заносилось
и жизнь «чего-то» — что-со-смыслом
была в пред-молвии все так же близ меня —
сиянье белое держалось в поле рядом
как обморок
все отдаленней гаснущего дня

1985

Листни — в ветер праздника (К столетию Велимира Хлебникова)

1

Синью души велимировой
режут младенчески-чистые
звуком безвинным «дорози»
это и голос ребенка и мудрый
крестьянина взгляд! — и дороги
в Поле-России едином
в одно собираясь одним и расходятся:
обликом где-то давно велимировым!
я тоже немного лицо! временами
будто — из боли почти уже мусоргской!
и режут — как лечат — тоску по молчащим полям
в дорогах лица наклоненного — в эту минуту
синью подспудной — «дорози»

2

Ностер как восклицанье Хлебникова

3

Раненный хлебниковскими «сонными пулями»
вздрагиваю — будто просматриваясь
из углов — создаваемых самотолчками
оползней сна! — озаряясь
белизной — прерываемой множеством
душеподобий из глубли забвения
зорких — без лиц

4

а звезды
там
чисты (и вечными будут
если
Время отменится) чисты
бесчисленны и одиноки — и это
глаза Велимира
Последнего
Первого

5

«срубы я ставил» ты сам говорил
о стихотворные
срубы из бревен метафор сияюще-твердых
со звоном просторно-природным
как воздух — во время страды!
чистое «рабочее» дерево
более чем девяностопроцентное
в котором трухи обязательных «поэтизмов»
нет — как роскоши нет
в хозяйстве крестьянском

6

а светится душа голубоглазая
из сети призрачных «законов времени»
и все яснее лик: все ближе и прозрачней
любивший колос как ребенка

7

Раненный хлебниковскими «сонными пулями»
договариваю — вздрагивая
окраинами и разрушенными центрами
видящего сна и не видящего
сна-расползаясь-меня
а операция — разбудить
29-го в 9
у́тра московско-украинного

23–29 сентября 1985

Снова: появление синицы

Е. Эпштейну

Это черно-зеленое
облако силы безвинной
я не однажды под небом будил —

снова как в давние годы
сжалось оно в эту птицу — в доверчиво-робкое вздрагиванье
цветка — принесенного ветром и снегом:

грусть расширяя
в дом и в окраину города —

стуком в окно расцветание было:

в шуме прихода друзей сохраняясь
минуту-другую —

(я говор их слушал
как будто
светлее и радостней спал)

1985

Все дальше в снега

*После гибели Т. Х.
(или — «Памяти ангела»)*

Бываешь — Прям?
ну что же —

опять я — зная всю никчемность
упоминаю Силу — словом:

— все ты же нечтось Глыбы-Анонима
верней — Аморфности-да-Анонима-тъму! —

(итак — подбрасываются нам — к р у ш е н ь я !.. —

движенье-аноним: руками смертных
столь мощно Рушит — «не мытьем так катаньем»:

поверишь — Не-при-я-ти-ем!..) —

Содержится ль — как «что-то» — в прахе?
мы — среди останков: «как-то» там
не просто... не одни останки... —

(быть может—и движений нет...) —

..... —

пора — на пробу:
выпадом
разрывом! —

я — заскорузл — из давней глубины нов
забытой мною прямою:

— я сплю — давно *духовным сном*
 а снег
 работает в полях — в ложбинах — как крестьянин
 (скромней поэта истинный поэт)
 и просыпаюсь — воплощением
 какой-то новой тишины — без просьб
 держащейся как в прахе воздух —

когда уже не страшны и возмездья
 которыми лже-небеса безцентровые
 свисают в снах из бедных сил!.. —

не говорю «я так живу» — движение-жизнь
 моя слабей желаний-ходьб:

— и где-то только суета Пост-Фактум
 перетворцов — все тех же переделателей
 все той же Призрака-Страны —

а пустота — такая вот огромность
 моя — пустая: Право Равнодушия —

(не людям ложь! — самоотмена слова) —

и все же — завершеньем — вею:

я — осыпаюсь: будто в мире су-ще-ству-ю-щем
 все ту же нечтосьть тьмы-и-анонима
 «господней» — *по привычке* — именуя
 в видениях без боли сотрясаю
 отвалами моими и паденьями:

как черноту безвидности-безмира! —

а бездна никакая — а удары
 из ни-ка-кой-то-сти! и с чем — разрыв? —

когда во всем — безместно — но во всем
лишь безымянность и отсутствие —

и для того — чтоб более я был?.. —

теперь уже и этого не нужно:

(а что Е м у - Ч е м у — да впрочем что и мне...) —

и меньшим дрогну я — чтоб завершиться большим:

пора самоотменною оставить
то что казалось (или было) лучшим —

(да будет это — проблеском последним):

Что-Светло-Даже-То-Что-Мне-Уже-Не-Веровать! —

(уйдя — давно уже — в снега)

1986-1987

Без названия

Теперь среди ромашек ветер такой
«когда свою судьбу
впервые я не чувствую»:

— настолько воздух — весь — из этого сознания! —

так держится сама собой
болезнь *покинутости* — чем-то странно-легкая —

немного пребывая
среди лепестков дрожащей красотой

1987

Придорожная песенка

Это лишь мокрые ветви в тумане а называю я горем
 и придорожную грустью из жизни забытой мелькаю
 вдоль рельс
 где беспокойно алеет-белеет все та же крестьянка
 с корзинкой
 в поле тоски — словно двинулась кровь тем же самым
 закатом
 чтобы втянуть и меня да в спасенье вобрать (а такие
 цветенья мы знаем)
 значит исчезнуть пора — повторяться нам больше не
 следует
 значит (а кровь заливают) такая простая — да вот
 для свободы вселенски-молчащего мира
 и без того уже пусто-свободного
 здесь среди нищенских веток
 будто ничья — напоследок — пора

29 июля 1987

67-й км под Петербургом

**Снова:
воздух в вершинах — берез**

ВСЕ ДАЛЬШЕ В СНЕГА

Светлее:

свобода:

(давно)

1987

Две песенки для нас с тобой

1

Что же ныне — утешенье? —

песни скудость — сердца сжатость
и «нездешность» и никчемность! —

в этой мерзлой нищете
веток — стойко-безучастных
по-цыгански засыпая —

бедность — в ветре

2

Мы немного среди тех кто беднее беды
кто не больше того что чуть-чуть
вот и ладим вполне: кто С концами Концы
кто давно Отворяй Ворота

1986–1987

Осенняя прогулка дочери

Вдруг — ветер странный
будто
наискось
грудной прореял — гул беды:

освободив легко... —

— вот так бы — отменным стать! и пребыванье в мире
преобразившись — продолжать:

в никчемном виде стойко-призрачном
обличья-сажи тех кто был рассеян-втоптан
в оврагах
над оврагами:

в блистаньи золотого дня... —

и снова т о т ж е г у л — но в превращеньи новом
далеким мелосом горит
одним-единственно-глубоким:

«не прижималась бы ты девочка
к рукам моим на улице губами» —

а сам я в эхе отчужденном
забыл как началось! — и скудной влагой сумерек
как будто жижею размазываюсь
из пепла и золы униженной любви —

(ладонью вздрагивая — «человек»):

и вечер ширясь теплится — и круг в руке горит
следа пылающего детского! —

что — жизнь-окраина во всем? не менее
тускл — пустотою — где-то-мир:

и мне — как вытесненно-чуждому
давно достаточно себя
чтоб быть пустынностью едино-мертвой —

и очагом запрятанно-последним
внутри я рушусь: сажей-затиханьем! —

и все же — в э т о м з а д ы х а я с ь ! — вдруг:

всплываю раной-взглядом: за дитя

1987

Пятая песенка

Забывая любил а ведь где-то есть ты — я как будто
проснувшись
разучился теперь говоря понимать
из чего это делается чем ударять и такая тоска той
же самой поры
и приснившейся раной далёко при снящемся свете душа
а казалось тогда схоронил да поют средь дубравы так
ярко и много
васильки колыхая в тот воздух а были и мы
и теперь то ли ветер о том то ли стон драгоценностью
крови светлея
а вот веет одно «никогда»

1987

Теперь и такая

Ты — образ покоя действительно полного
без смутно-опасного где-то за этим спокойствием
и вольная — чуть сиротлива
Россия-река..... — а потом — постепенно — в тебе
замерцает
иная прекрасная — то что зовем мы красою
извечною и совершенством
и повторять красота и шептать это к месту! —
о чистая долгой покинутостью
все более тихой: как будто в труде постоянном! —
давно это было — уже и не помним
словно над многими душами
где-то в стране — после нас — затихать продолжающая
немного и небо-река

1987

*д. Денисова Горка
Тверской области*

Дар — роща берез

Дочери

ВСЕ ДАЛЬШЕ В СНЕГА

а друг мой а ребенок-друг
о том что может тяжелеть душа
доныне незнакомым образом
пришлось узнать отцу-что-друг —

«окаменеть» бы? — не было дано
освобожденье мне такое:

всезаполнением и всетвердостью чуткой
во мне ты мой ребенок был
настолько не оставив мне себя —

и осязаньем-зреньем став таким
(одною — стойкою — и ровной чем-то — мукой)
я брел — не видя мир: и видел — лишь тебя:

сжималось ли вот так — замедленным терпеньем
понятное — само-собой — слиянье? —

тогда — дарить тебе — запомнил лишь окольную
смертельно-ярко отрезвляющую
(искрясь — горя в себе — закрыто-дикой вечностью)
бессмертно-сильную мне рощицу берез —

когда мне мира целомудрие
звучало — страшной их — твердейшей — белизной

1988

Клен на окраине города

Н акое же во дереве
безмолвие
как будто в целом мире
есть только он один — сентябрьско-тихий клен!
о нет о больше... — словно то присутствие:
ты — перед дверью некой
притих и знаешь: есть — теперь лишь это « т а м »
что более понятней
без объяснения.....—вхождение же возможно
(уход — покой — забвенье)
ценою лишь одной: не видеть более
вот этот клен — сентябрьский

1989

Стихи об отсутствии

Троелсу Андерсену

1

Нак в детстве сердцем знаем волны в озере
так беспокойны тьма и синь
в глазах во сне тобой руками трогаемых
где пальцы — вспомнишь — как в лесу
как будто мысляще-тихи-и-одинок
(но снова
пробуждаясь
день будто и не силится
глядящим быть чуть-чуть)

2

И светел золотистый сон прожилок
открытого лица
но так рябит!.. — как будто там за ним
таится некий камень драгоценный
с отливом сине-роковым:
готовый к взрыву!.. — плечи подготовившиеся
им — к горю твоему — освещены

3

Глазам закрывшимся поля-иконы

4

И «здесь» — нигде
и «там»!.. и в этом — пребыванье
движеньями застывшего отсутствия:
глубины там такие — от которых
без очертаний — плечи тают!.. — так
нигде и здесь с беззвучием и с шепотом
(такая «вечность» — стойко удаляться
не уходя... секунды каплют в музыке
отстаивая неподвижность)

5

а голос... он — все тот же дар: сияющий
«все так же не другие» — где-то в нем
за дальнею дорогой то же зарево
деревья продвигая
дробит их тени — и среди них себя! —
как будто — сон в душе: чужой и незнакомой
к тебе из разных мест

6

То было: сад-твоих-молитв

1989

В ожидании друга

Вольфгангу Казаку

Братья на кухне ночами одни только вещи на кухне
такие — как знаем не видя родных:
о долгий покой — это бедность как будто ничья в пребывании
в мире
этой вот утвари чуть-для-чего-то... — итак оставляя нам
радость столь полную малостью
как на поляне среди давних деревьев
будто светящийся свет чуть-себя-превышая-поддерживает
теплым и близким пред-молвием:
— братья на кухне добрая жизнь

1989

Дом в поле

Все очень просто: мышь — дрожанье мусора
и ветер за углом
а там — дождливая в ночи дорога
и тут же — в огороде — стол
заброшенный: и разговор — весь наискось и на-бок
слипаясь и шурша
родных (как старая фуфайка) листьев
и родина-туман — все более все ближе
с душою-взглядом — давней очень давней
(как это выговорить) мамы... —

— тут колокол Тироля распевает
всего себя: река-а: вся отверзтая
как кровь чистойшая..... —

запрятавшаяся ласточка и мышь
взывают к сердцу: закрываешь двери
и с сумраком души
на ощупь в доме... — так закончен мир:

закрывшийся — с давно забытым шепотом

1990

Долго: в шорохи-и-шуршания

Снова — памяти Пауля Целана

Шорохи, шуршания. Будто — пробивается ветер в холодную кладовую и сыплется где-то мука. Или — вздрагивает солома на покинутом всеми дворе. Шуршание, — становление какой-то страны.

«Быть — мышью», говорил *тот* поэт.* Быть — мышью. Головокружительно. Рябь. Потом говорили, что яд. Полу-поляк. По-олу... Словно за шорохом одежды — порез. Из бойни. И запрятанная в шуршании — кровь. Хотя бы — человеко-одежда. Едино, едино, — с жидкостями мук.

А, ре-бе, ты из всего — *такого* и *эдакого* — был столь однокорден, — грязь, порванная книга и кровь, — о, почти что Прозрачность, — зимний уличный танец дырявый зипун, человеко-сугробы (всюду, ведь, нищенский пот, — даже в соломе: там — на ветру, и в рассыпанной горстке муки).

Жизнь, ребе.

А потом, — здесь. Это лицо... — всеобъемлющее. Словно ходишь по городу, и всюду — «мое», каждый угол. Головокружительно. Потом — рябь. Ну, хотя бы вот, — сад (все это — лицо и в лице): выплеснулся — недостижимостью. Прянул обратно, боль — как от стекла. И — *не втис-нешь-ся*. «Сад — как сад». Будто — модный мотив. Без дна. И — рядом.

И как же такое происходит в голосе: прячется какое-то дно. И разве разговариваем — словами? Ветер. Без дна. Не назовешь даже — знаками.

А этот, из Венгрии.** Просто — братская могила и все. Вырыли — *со всеми вместе* (ведь это же самое важное) — в свет Дня, и прямо — вот, Родина. Решение вопроса. *Со всеми вместе* (это самое важное).

* Польский поэт Александер Ват (1900–1967).

** *А этот, из Венгрии* — поэт Миклош Радноти (1909–1944).

«Бог» — неверное выражение. Есть только: «А Бог?» Во веки веков.

Потом — эти поездки. Ка-тань-я. За премиями. Речи. Все правильно. Во славу. И все — будто: во-воздухе! И будто по небу гу-ля-ет: боль-язык, — одиноко, — для неба. Пусто. Подохнешь, — сожмешься — лишь болью. Язык? — Ветер Вселенной.

О, как все просто. Это — такое «просто», что на языке — не будет. (Можно попытаться. Сразу выступит — вещь. «Простое», — такая Свобода, — сравним: ум ввел распад.)

Рябь. Просто, головокружительно.

О, шорохи, одежда моя. Солома. Му-у-сор. О, шуршание, кожа моя. Я-родина, я-такая-одежда-и-плоть. С шорохом-кожей.

Рябь.

Да никто не кричит. То-есть. Не я же. «Я» — липко. Есть что-то другое (за — шорохом. За этим шуршанием).

И в воде гуляет зрение этого француза. Па-а-даль. Что это, — суть? — одеяние? Е-дин-ство.

Забудь. О, когда же. Забудь. И — начинается чистота.

И.

Рябь. Со всею грязью — мук.

Без — всплытия.

Не-*Baptême*.

Не-е.

Давнее рисование

Н. Дронникову

...первый след карандаша.

А. Твардовский

Спичка шептаться могла — и свеча
Миром была принимая в себя — и казалось что крохи
в сумерках утешающе-теплились хлеба
светом — в сердца исходящим
(...а почему бы и нет?...) — и рука тишиной отягчалась
все более «зримой»:
глаз
будто в родник... — припадая... — (следы начинались
зернистые
первые
скользя — как в гору!
— ...шорох — Его разговор... — через нас
здесь: с Миром)

1992

Флоксы ночью в Берлине

Г. А.

Как будто с головы
незримо с и л ы падают!
и в том бессилии «душою» называемом
поют-кричат деревни-и-туманы
где солнца как живые
грустны — огромны — далеки! —
среди их лоскутьев
(так — куст: как будто на отшибе Родины:
«родной» не назову:
дрожит)

1992

Два эпилога

1

Чистота тропинки
простота воды —

и такое небо — будто снится
этой выси — никому неведомая
очень — даже очень уж — другая
бедность ясная Земли —

в нас немного говорящей:

«пока мы в мире есть
дым — в трубах изб — играет»*

2

Что-то тускло-белое больничное
в поле двигало скольжения
— дай нам Бог лечиться этой тишиной —
и дорога за окном как за воротами
угасала все сырее и грустнее
«вот и весь» шепталось будто «путь земной»

1993–1994
Денисова Горка

* Эти процитированные слова, по свидетельству крупнейшего чувашского поэта Васyleя Митты (1908–1957), напевал его отец, малограмотный крестьянин Ягур Митта.

Сад — грусть

Это
(быть может)
ветер
клонит — такое легкое
(для смерти)
сердце

1994

Ловля лета**Вдруг:**

(долгое «что-то» из множества «вдруг») —

сад — как видение: яркий как кварц!
драгоценность дорожная —

искры — из сада по окнам — туманней в глубинах
по переулку телега света
выше — лишь ветер где птицы и флаги! —

призрачен мост — не встревожена пыль — и бревно горячо
и обходит река
два отдаленных тенистых села —

и вечереет... —

(и скрыто как сердце)

*1995, август
Мордовия, проездом*

Во время болезни друга

К живописи Леонарда Данильцева

Будто приснился Бог — и вот вспоминается
складываясь в забытое Виденье (то распадаясь
то вновь начинаясь)
из снега на давних холмах и дорогах
из детских одежд-говорений
из лиц зверей из улыбки-и-плача — рядом —
у порога друзей:
вас — дорогих: о, живопись, жизнь,
Недавнее-Невыразимое
(прекрасное как обед бедняков)

1996

Поля этого лета

А. Х.

Даже и здесь
время как будто подрагивает — вновь обновляя
эти прощанья-поля —

(как народопрощанья) —

то длятся как зыбкая темень
(чем-то все более
ранее — детства) —

то — спотыкаясь душевной неровностью
будишь в травах — как в памяти
чью-то ушедшесть —

(и травы выплескивают
последние говорения) —

и шорох — скрипление (где-то там роет
некто подземный... нет: это ближе:
«это
сердце стареет») —

и потом — будто только что
открыли окно
на тропинку —

и облака над травами
делают вселенную... —

будто
двигаются — воздвигаются!
словно все это
Строит-Распевает — подталкивающее Стройное
где-то
Дыхание —

и завершающее — так чтоб и нам притихать:
«далеко» — это только негромкое звучание
о родине дальней... (о да: как гимн...)
и это
сразу
давно

1997

Прощаясь

И ясно поющиеся
острова за селом
все так же из теплого шепота
счастья трав

1997

Береза в полдень

В горении полдня
вдруг —

обособившись
сильно
береза —

ярко — как некое Евангелие:

(самодостаточное — никого
не беспокоя) —

раскрывающаяся — постоянно:

пролистывающаяся —

(вся — «в Боге»)

1997

Из строк во сне

И левою частью лица
косясь
честно и прямо
бледность — во сне — Шостаковича
жертвенностью — как треснувшей глиной
кричащая —

как будто — другу

17 апреля 1998
(к утру)

День — и вечеру

И они выплывают и устанавливаются,
учреждаются — эти Стога
конца — очередного
Тысячелетия (...условность мгновения...) —
и Закатного Солнца
великолепие
стойко — пока — пребывает — и вскоре бессмертная
Дороги Печать
въявь утверждается — зримо-и-медленно:
вечно — на окраине леса — Сиять.

1998

ПОСЛЕДНИЙ ОТЪЕЗД*

(Валленберг в Будапеште: 1988)

* Впервые было опубликовано в «Литературной газете»,
6 марта 1991.

От автора

Впервые выпущенный за границу, лето 1988 года я провел в Будапеште.

Я давно интересовался выдающимся венгерским ваятелем Имре Варгой (особенно запомнилось мне, по журнальной репродукции, скульптурное изображение поэта-мученика, узника гитлеровских концлагерей Миклоша Радноти, которого я переводил на чувашский язык).

Будапештские друзья в первые же дни повезли меня осмотреть памятник Раулю Валленбергу, сооруженный в мае 1987 года по проекту Варги. Потом я часто сживал в маленьком скверике, где стоит бронзовый Валленберг, и весь последующий месяц, не определив еще жанра, писал захватившую меня вещь, — даже во время длительных, утомительных путешествий по стране.

Первоначальным заглавием сочиняемого было — «Рука Валленберга», — странно-загадочный, остановленно-«движущийся» жест этой руки неотвязно вторгался в мои черновики. Спустя год я стал подбирать эпиграф к завершенной маленькой поэме, обратился для этого к религиозной литературе: как, теологически, определяется *Рука* — «орган и знак действия, выражения, связи». Градации ее определения оказались обширными: от «власти» и «обладания» — до «отпускания» и «утешения», все это, — как мне все более вспоминалось, — было в замечательном творении Варги.

«Сын Десницы» — «тайно», лишь про себя, называл я великого шведа (есть и такое определение избранников Господа, именуемого также «Мужем Десницы»), но название поэмы и эпиграф я выбрал — более соответствующие безмолвной, сдержанной жертвенности Рауля Валленберга.

В заключение хочу отметить, что слова *Хайя* и *Аум* взяты из рефренов еврейских колыбельных песен.

Январь 1991

Donec eris felix, multos numerabis amicos:
tempora si tuerint nubila, solus eris.

(Когда хорошая погода — у тебя много друзей:
когда собираются тучи — ты одиноч.)

*Надпись на постаменте памятника
Валленбергу в Будапеште*

1

Это

нет никого... — на поверку: давно завершившийся
общий
единый
последний отъезд —

как остановленный мир —

(и осталась — оставшемуся
долгая
смятая влажность
— где-то на шее на лацканах на рукавах —
долгого
старения множества глаз) —

это
дрожью застывший (как призрак ничтожный
вечности некой)
рот чернотубый
простого терновника —

от одинокой — все той же — руки отдаляющийся:

на расстоянии том же —

(рядом
здесь
в переулке) —

это город боярышников — август
Восемьдесят Восьмого — и ясным его средоточием
единственная всечеловеческая

рука — это очень давно
простая уже Простота
вечности-нищенски-простенькой: как
истоптанные туфельки
в Стро-е-ниях Вечных
для
Печей и Волос... —

Город шиповников... — не отдыхает
 лишь эта
 рука: воплотилась
 в Утешение вечное
 давно утешенных: осталась — о: без
 кого и чего — Утешающая
 самая
 одинокая в мире
 рука —

«вот» — остановилась — «вот
 дверь»
 (больше сказать — означало бы
 сдвинуть
 Бога того же: чтоб
 более — быть
 влажной-коствявостью-хрупкостью
 в большей Покинутости): «вот
 (просто вагонная)
 дверь» — и *отняtie*
 медленно-вечное
простое — руки:

Мир
Без Никого —

(только дрожание слабое:

Ха - а й - й я ...) —

И будто извечное
как воздух как свет —

это мерцанье:

все та же
рука... —

давно
с Небом Бессловесия давно попрощавшись
нескончаемо опускается в ров
страшную бла-гос-лов-ляет
Землю — как К л а д о в у ю (о сколько об этом
знаю
будто Вселенною-Сном) —

влажная
от пара незримого крови —

(рядом — приподымаются
в поте
холмы — шевелящиеся
из дальних долин — и клочками-тряпья-только-
ветру-молившиеся

спины... — давно не шелохнутся
молчат как рука — и уже никогда
не дрогнет
рука) —

— ушли поезда:

о: Х а й - й я ... —

А - а - у м ... —

и Время
призрачно-падальное — стало
минутою
(о наконец) провожания
давно —

Давно-Бесконечной... —

(... п о ю т ...)

4

Это

Единственный Уровень:

Выше — разбрелись говоря-допевая

Ниже

Договаривают Руке (и кричат) — вот такая

Троица

в зное палящем —

(ибо

Посредине — *Рука*) —

в городе боярышников (всегда разверзались

в тех

переулках-и-криках

о

черными ртами) —

и — снова

вторгается жалкое

детское *пляско-подобие*

без никого:

Х а - а й - й я —

(нет даже призрака воздуха) —

о: *А у м ...* —

5

— вдруг ударяет в лицо: а была же
другая рука
белая — на красных перилах балкона
рядом с азалиями —

(вздрагнула вдруг и исчезла
и мир
стал — сверлящею точкой во лбу:

о: это
первое *средоточие страха*... —

— а ведь не было крикнуто «мама»)... —

Миром

стало молчанье руки — и продрогшая треснувшая
не оставляя
давно отпустила (такая
прощается — *лишь для себя*
никогда не прощаясь):

как остановившийся Бог
(больше
иного не будет — иного
кроме
Его Остановки) —

вот

это место
руки... — и над нею
Лу-бы Гля-дя-щие:

так — словно в легком полете
смотрят чуть вздрагивая
лишь — на детей... —

(и

как смешалась
потом
с этой навязчивой детскостью
смя-та-я немощь све-че-ни-я
бедненько-свято-вокруг-становящихся
кем-то оплаканных
тел — ведь действительно: как *матерьялов*
да только
в с е ж е — Господних...) —

■ приснившееся Времяподобие
восходящее (Куда-Восходящее)
давно — без движения: стало последней
бескрайне-единой
минутой Спасания (*лязг*):

...будто — весь в пальцах... — с иглою
Господи! — *шубертовской*... — *лязг*):

лицо переходит
темнея
в продолжение
Двери Последней:

(о сколько же было: *поля и долины*
сплошь
из *черных*
дверей)... —

о: *Х а й я* ... —

Быть может
я — Сон без Себя
где пели смеялись и плакали
сразу же стали нигде а поют
только рука не прощается
с Уровнем
своим над Землею: ушли и уйдут
и только она остается: сквозь ветки
глядят
облака
(о — грязнозубые) —

— ушли поезда — лишь гармоника
одна на всю Землю
поет
в мире
рваным кустом продолжая боярышниковым
дождь и свое одиночество:

Ха - а й - й я ...

*Август 1988
Будапешт*

СОДЕРЖАНИЕ

Все дальше в снега

1966–1998

Появление жасмина	7
К свадьбе друга	8
Круг тополя — в спящего	9
Цветы, режьте	10
Встречающее со сна	11
«Ласточка»: способ связывания	12
Близко: поляны	13
Осенняя прогулка сына	15
Мусорная свалка за городом	18
Снова — вспоминаются Гимры	19
Прощальное: белый шиповник	20
Временное завершение празднеств	21
Флоксы: утро октябрьское	23
Сон: яблони в цвету	25
Дождь	28
И: через год	29
Моцарт: Кассация I	31
Ты одна и цветы	32
Снова — записи во время бессонницы	34
Другу — о где-то-жасминах	35
Голод — 1947	36
Цветенье роз во время болезни	38
Метель в окне	40
О том же лесе	41
Стихи на крестины	42
Об этом	44
Позднее отцветанье шиповника	45
Чонтвари	46
Снег — в «старом» квартале Москвы	48
Сон-эпилог	49
Сентябрьские березы в городе	50

В сторону оврагов	51
Мертвая роза среди бумаг	52
Жалкий пейзаж неизвестного художника	53
Среди дубрав	54
Жизнь-разговор	55
В спокойствии августа	56
Письмо в Апшеронск	57
Окраинная зима	59
Листки — в ветер праздника	60
Снова: появление синицы	63
Все дальше в снега	64
Без названия	67
Придорожная песенка	68
Снова: воздух в вершинах — берез	69
Две песенки для нас с тобой	70
Осенняя прогулка дочери	71
Пятая песенка	73
Теперь и такая	74
Дар — роща берез	75
Клен на окраине города	76
Стихи об отсутствии	77
В ожидании друга	79
Дом в поле	80
Вместе	81
Долго: в шорохи-и-шуршания	82
Давнее рисование	84
Флоксы ночью в Берлине	85
Два эпилога	86
Сад — грусть	87
Ловля лета	88
Во время болезни друга	89
Поля этого лета	90
Прощаясь	92
Береза в полдень	92
Из строк во сне	93
День — к вечеру	94

Последний отъезд

(Валленберг в Будапеште: 1988)

От автора	97
1. «это / нет никого...»	99
2. «город шиповников... — не отдыхает...»	101
3. «и будто извечное...»	102
4. «это / Единственный Уровень...»	104
5. «— вдруг ударяет в лицо: а была же...»	105
6. «миром / стало молчанье руки...»	106
7. «и приснившееся Времяподобие...»	107
8. «быть может / я — Сон без Себя...»	108

Идея серии
Д. Борисов, Н. Охотин
Консультант
М. Айзенберг
Выпускающий редактор
М. Богданович
Дизайн и верстка
О·Г·И

Объединенное гуманитарное издательство
Москва, Средний Кисловский пер., 3, стр. 3
тел./факс: (095) 229-55-48
e-mail: petm@ogi.ru

ЛР № 061083 от 6.05.1997

Клуб «Проект ОГИ»
Москва, Потаповский пер., 8/12, стр. 2
тел./факс: (095) 927-57-76

Формат 60×84 ¹/₁₆
Бумага офсетная № 1
Печать офсетная
Гарнитура OfficinaSerif
Усл. печ. л. 7
Тираж 1000 экз.
Подписано в печать 07.09.2001
Отпечатано с оригинал-макета
Заказ № **50**

Геннадий Айги

Это

не Спор.

Если же я называю,

то это — простое указывание:

«Здесь — Совершенство».

(Место Намека.

Тем и Присутствует.

Я умолкаю.)

«Бог»?

Это цитата: из Бога.